

ЭКОЛОГИЯ ИМЕНИ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫД.А.Кулабухов¹⁾, М.А.Кулабухова²⁾,¹⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78²⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78

С незапамятных времен имя является мельчайшей, приобретающей подчас свой потаенный смысл единицей передачи информации. Сохранившись в периоды кризисов и потрясений, имя как знак стало универсумом экологии культуры, способным обеспечить естественное развитие ноосферы как сферы разума, добра и красоты. В век революций и мировых войн, а затем в эпоху стремительного создания информационных систем имя становилось обладающим определенной репутацией знаком, средством воплощения и отражения культуры нации и цивилизации, вечной антиномичной константой, с одной стороны, подобной таким, как Земля, Огонь, Вода, Воздух, Дерево, Дом, Город, Дорога, Мать, Человек, с другой стороны, их называющей. По мнению авторов данной работы, имя - это не только уникальный способ словесного обозначения, а значит и сохранения всех явлений бытия, но и в пространстве самой культуры, в творческой лаборатории художника - средство отражения культуры нации, уникальный способ типизации, создания обобщенных образов, нациологем.

С незапамятных времен имя является мельчайшей, приобретающей подчас свой потаенный смысл единицей передачи информации, той одной социокультурной данностью, которая, как гласит текст загадки, «всем нужна». Постепенно личное имя (синонимы: рекло, назвище, прозвище, название, прозвание, проименование), первоначально «служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нем с другими» [1, 4], приобретало свою историко-культурную репутацию, особый сакральный смысл, становясь константой культуры, феноменальным знаком ноосферы как сферы разума, добра и красоты, как воплощения нравственно-ценностной парадигмы. Каждая эпоха нашла свое теперь уже узнаваемое отражение в именованном, где и знаки далекой старины: Бажена, Богдан, Болеслава, Борислав, Бронислава, Велимир, Велислав, Влада, Власта, Всеслав, Голуба, Горазд, Горислава, Любава, Любомир, Рада, Храбр, Чеслава [1], - и знаки Страны Советов: Авангард, Баррикада, Большевик, Герой, Красноармия, Ленина, Мироктябрь, Октябрина, Полярый, Рев и Люция, Револен, Серпимолот, Сопромат, Сталина, Тракторина, Трибунал, Чельнальдина (2). Не исчезнув даже в периоды кризисов и потрясений, революций и мировых войн, в эпоху массового истребления человека (каким стал XX век), имя как знак культуры стало универсумом ее экологии, способным сохранять культуру народа и человечества, вечной антиномичной константой, с одной стороны, подобной таким, как Земля, Огонь, Вода, Воздух, Дерево, Дом, Город, Дорога, Мать, Человек, с другой стороны, их называющей, а потому превалирующей над ними, тем более во времена стремительного создания информационных систем, в основе функционирования которых значительную роль выполняет именованное.

Имя - это не только уникальный способ словесного обозначения всего сущего, сохранения всех явлений бытия, но и - в пространстве самой культуры, в творческой лаборатории художника - средство отражения культуры нации, уникальный способ типизации, создания обобщенных образов, нациологем. Так, особым сакральным знаком, обозначающим ведущие качества человека, его самобытную национальную сущность, принадлежность как к определенному времени, культуре, государству, так и к бытию, космосу, становится имя в произведениях отечественного искусства XX в.: например,

мать человека, историю жизни которой, и праведницы, и грешницы, запечатлевает в фильме «Зеркало» А.Тарковский, должна быть названа (и не только по аналогии с именем матери кинорежиссера) Марией. Отсутствие же имен, которые заменены «номерами», в романе-антиутопии Е.Замятина «Мы» мотивирует появление послушного и пассивного «мы» (в котором угадывается безликая, серая, страшная масса, толпа), как и наличие псевдоимени – такого нового и безликого, как Полиграф Полиграфович (герой повести М.А.Булгакова «Собачье сердце», «новый человек», появившийся на свет в православное Рождество, но взявший себе имя в честь вымышленного «святого», а также Дня полиграфиста) – знак дьявола.

В творчестве практически каждого художника имя - один из уникальных способов отражения, осмысления истории и воплощения национальной культуры, свидетельства чего находим в знаковых произведениях культуры XX века – романах И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева» и М.А.Булгакова «Белая гвардия».

В русской литературе отношения И.А.Бунина и М.А.Булгакова столь необычны, сколь неповторимы их индивидуальности и судьбы. Родство двух писателей, принадлежавших к разным поколениям дворянско-интеллигентской России, проявляется в близости мироощущений и мировоззрений, в почти одновременно высказанных этими авторами единодушных оценках социально-политических, социально-культурных событий и явлений. Двух никогда не встречавшихся мастеров слова сблизает их единомыслие, отразившееся в трагический период порубежья в лирико-философском осмыслении действительности, в уникальных по жанровой природе, непохожих произведениях – романах «Жизнь Арсеньева» и «Белая гвардия».

Истории человека и семьи в романах Бунина и Булгакова пересоздаются в истории типичных по отношению к авторам современников, жизнь которых совпала с катастрофичным началом XX века. Это оказывается возможным благодаря художественному вымыслу, мера которого, в зависимости от индивидуальности писателя, его принципов, замысла, может меняться, тем не менее, он, вымысел, всегда остается в произведении средством типизации, рождения - на основе извлечения из суммы реально данного основного его смысла - «живого» художественного образа.

Особым средством отражения культуры нации, уникальным способом типизации, создания обобщенных образов, лишенных по воле автора многих биографических черт, является выбор имени, которое, как правило, подчеркивает то или иное типическое качество, указывает на общее значение, социокультурную роль вымышленного героя, нередко только отчасти связанного со своим прототипом.

Имена героев романов Бунина и Булгакова, безусловно, выбраны далеко не случайно. Подчеркивая некий мессианский характер своих главных героев, «обреченных» судьбой и авторами романов на созерцание и осознание причинно-следственных связей жизни государства и человека, писатели вполне осознанно, на наш взгляд, наделяют их одним из самых распространенных и любимых в России имен, которое носили один из первых царей династии Романовых (Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим) и его потомок, убиенный в 1918 г. наследник престола Российского, а также один из знаменитой троицы «молодых» богатырей, едва ли не самый среди них мудрый, Алеша Попович и чрезвычайно популярный в православной державе Божий человек, житие которого было известно повсеместно. Имя *Алексей* (греч.), буквально означающее «защитник» [3, 17], по нашему мнению, позволяет Бунину не просто в очередной раз указать на несовпадение между автором и героем его произведения, но и обозначить национальную, социально-культурную принадлежность, истинную общерусскость выдуманного героя-рассказчика, который в летописи «душевной жизни <...> начиная с младенчества, первых смутных впечатлений, до юности, исполненный самых поэтических и самых тревожных дум и чувств» [4], *защищает* неразрывную связь человека с его корнями, истоками, близкими и далекими людьми, Россией и в итоге доказывает извечное значение нравственных основ бытия, власть его неписаных законов, защищая право

человека на жизнь и смерть, радости и горести, открытия и потрясения, на любовь и земное счастье.

Булгаков нарекает старшего Турбина *Алексеем* не только в романе «Белая гвардия», но и в пьесе «Дни Турбиных». И офицер, врач Алексей Турбин в романе, и кадровый военный, полковник Алексей Турбин в пьесе предстают как типичные защитники старой России, Городов и Домов ее, не просто исполняющие приказы, достойно следуя своему долгу, но и глубоко осознающие свое предназначение и ответственность за судьбы близких людей, соотечественников, которые безраздельно вверяют Алексею (врачу — больные, командиру — подчиненные) в пору хаоса и неверия свои настрадавшиеся тела и души. Очевидно, ведущая — защитная — функция Алексея, героя романа Булгакова, предопределяет его чудесное спасение, ставшее наградой за его незлобивость, милосердие и грядущее избавление страждущих от мировых зол.

Выбор имен возлюбленных героев двух романов также предопределен и мотивирован потребностью авторов создать обобщенный образ всегда пленительной, притягательной и зачастую недостижимой женщины, играющей в судьбе мира и человека роковую роль. Так, имя любимой Алеши Арсеньева - *Гликерия*, означающее «сладкая» (3, 36), во многом предначертывает, предваряет неизбывное влечение к этой женщине героя романа, демонстрирует желание Бунина создать идеальный образ земной женщины, утрата которой — даже в слове — вызывает неистребимое чувство горечи, оттого что герой «такую силу любви, радости <...> такую телесную и душевную близость <... > не испытывал ни к кому никогда» [5]. Имя порочной, таинственной, черноглазой спасительницы Алексея Турбина *Юлии* заведомо использовано Булгаковым, который, избегая имен первой и второй собственных жен: *Татьяна* и *Любовь*, — пытается обозначить двойственную природу женщины: благословенной и демонической. «Светлые завитки волос и очень черные глаза» [6, 342] принадлежат загадочной женщине, «относящейся к роду Юлиев» [3, 125], окруженной огнем, разожженным ею в печке, золотом эполет в романах, светом «сальной свечки в шандале» [6, 362], непостижимой, непохожей на других, и потому особой царственной и недостижимой.

Достаточно мотивирован и авторский выбор имен близких Арсеньева и Турбина, зачастую не связанный с именем прототипа того или иного героя. Так, создавая пленительный, родственный образам матери и Бунина, и Арсеньева, всепрощающий, чадолюбивый образ матери своих героев, Михаил Булгаков вполне осознанно отказывается от следования биографическим данным. Писатель считает мать Турбиных уже покойной, тогда как Варвара Михайловна Булгакова в описанную в романе пору счастливо выходит замуж. Описывая физическую смерть матери Турбиных, Булгаков, по нашему мнению, и выражает свое неприятие нового брака Варвары Михайловны, и обозначает извечную, непреходящую потребность каждого в матери, называя «светлую королеву» [6, 179], образец милосердия и вселенской любви *Анной Владимировной*. Данный пример имянаречения красноречиво доказывает стремление писателя обозначить как типичные материнские качества (а в переводе с древнееврейского *Анна* означает «милость, благодать» [3, 20], так и особую ее религиозность, связь не только с предками, но и с небесным покровителем Города *Владимиром*.

Вполне естественен, по нашему мнению, выбор имен сестер и братьев героев романов Бунина и Булгакова. Избавляющийся от автобиографических деталей, Бунин в своем итоговом романе отказывается от использования подлинных имен своих родных сестер (*Мария* (восточносл., «любимая») [3, 71] и *Александра* (греч., «защитница») [3, 17], обращаясь к именам *Ольга* (сканд., «святая») [3, 83-84] и *Надежда* (рус., «надежда») [3, 79], благодаря значению которых автор, описывая детство, самые безмятежные дни человеческого существования, подчеркивает на эзотерическом уровне святость, безгрешность, беззаботность первого, и едва ли не самого счастливого, периода человеческой жизни.

Парадигму имен близких Арсеньева и Турбина могут продолжить имена «Георгий» (греч., «земледелец») [3, 35) и «Николай» (греч., от сочетаний слов со значениями «победа» и «народ») [3, 8]), которые в романе Бунина являются и наиболее распространенными, в отличие от имен братьев Бунина «Юлий» (лат., римское личное и родовое) (фамильное имя) [3, 124] и «Евгений» (греч., «хорошего рода, благородный») [3, 41], и способами максимальной типизации образов молодых дворян (любопытно, кстати отметить, что брат Арсеньева Георгий-«земледелец», народоволец, борец за счастье тех, кто возделывал *землю* (Курсив наш.- Д.К., М.К.), заведовал в Полтаве *земской* статистикой). Булгаков, сужающий круг близких Турбина, ограничивается созданием образа младшего брата, которого, как и одного из своих родных братьев, в романе назвал Николаем. Юный Николка является типичным юным защитником народа, уверенного лишь в победе, что доказывает осознанный выбор автором имени того, кто на самом деле ради общей идеи и победы (Николай — «побеждающий» [3, 1]), скорее всего погибнет.

Отношение к героям романов конкретизируется посредством надления их распространенными именами, имеющими вполне определенные и вполне соответствующие их носителям значения. Ничем не примечательный, хитрый и трусливый муж Елены Турбиной Сергей Тальберг носит «римское родовое (фамильное) имя» [3, 9]), как, соответственно, и родовые черты прибалтийских немцев. Владелец по-царски величественного голоса, бывший лейб-гвардии уланского полка поручик, давний блестящий воздыхатель Елены Шервинский, безусловно, должен обладать царским, львиным именем «Леонид» (что по-гречески означает «подобный льву») [3, 6], которым и удостаивает своего героя Булгаков. Окопный офицер Мышлаевский, абсолютно уверенный в своей правде и временности хаоса, за которым неизбежно наступит порядок, не может именоваться иначе, чем Виктор — «победитель» [3, 29]. А вот предтеча большевизма Шполянский, в отличие от своего прототипа Виктора Шкловского, назван Михаилом, что по-древнегречески значит «равный Богу» [3, 7]), тогда как «мерзости в нем как в тысячелетнем дьяволе» [6, 416]. Таким образом, Булгаков, вероятно, пытается представить обобщенный тип двуличного человека, зачастую скрывающегося за внешней — обманчивой — маской приличий. Но обычно имя героя прямо отсылает нас к его ведущему — довольно типичному, распространенному качеству. Например, Ирина Най-Турс в романе Булгакова, как и ее имя Ирина, действительно несет «мир» [3, 54], успокоение, а ее брат Феликс Най-Турс, чье латинское имя истолковывается как «счастливый» [3, 110], действительно счастлив, как офицер, командир, защитивший отступивших по домам юнкеров-мальчишек, оттого «значительно стал радостнее и повеселел в гробу» [6, 407].

В романах Бунина и Булгакова, имя, эта, по мнению П.А.Флоренского, «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», становится не социальным знаком, выделяющим человека как отдельную личность, а эстетическим, философским фактором избавления судьбы героев от биографических подробностей жизни их прототипов, служит духовным знаком, обозначающим качества личности, парадигму духовно-нравственных ценностей, особенности истории народа и вероисповедания каждого из его представителей, принадлежность человека к эпохе, государству, равно как и к бытию, космосу.

В пространстве культуры эта «тончайшая плоть» (П.А.Флоренский) выступает как одна из составляющих Космоса, как фактор сохранения «нравственной оседлости» (Д.С.Лихачев) личности и народа, как константа жизни каждого человека, нуждающаяся в сохранении, как и сама культура.

Список литературы

1. Сулова, А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В.Суперанская. - Изд. 2-е, испр. и доп. - Л.: Лениздат, 1991. - 220 с.

2. Мезенцев, Р. Идеологические имена / Р.Мезенцев // Родина. - 1992. - №№ 11-12. - С. 116 - 117.

3. Федорова, М.В. Русские имена в XX веке. Краткий словарь / М.В.Федорова.- Белгород, 1995.- 128 с.

4. Крутикова, Л.В. "Жизнь Арсеньева" - итоговая книга И.А.Бунина / Л.В.Крутикова // Бунинский сборник (Материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения И.А.Бунина).- Орел, 1974.- С.28.

5. Бунин, И.А. Собрание сочинений: В 9 т.- М.: Художественная литература, 1965-1967.- Т. VI.- С. 288.

6. Булгаков, М.А. Собрание сочинений: В 5 т.- М.: Художественная литература, 1989-1990.- Т.I. – 623 с.

THE ECOLOGY OF NAME HOW PHENOMEN OF CULTURE

D.A. Kulabuchov¹⁾, M.A. Kulabuchova²⁾,

¹⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya str., 78, Belgorod, Russia, 308000

²⁾ Belgorod State University, Studencheskaya str., 14, Belgorod, Russia, 308000

Name is a way of information transfer. Going through the periods of crises and upheavals, name became such thing of culture's ecology, that could provide development of sphere of intellect, kindness and beauty. During the ages of revolutions and world wars, and the during the epoch of quick creation of informative systems, name has being become a sign, a mean of creation and reflection of nation's and civilization's culture, such things as Earth, Fire, Water, Air, Tree, Home, Town, Road, Mother, Man. In authors' opinion, name is not only a unique way of word signification and preservation of all life phenomena, but it is a way of reflection of national culture, it is a unique way of creation of general images.